

Александр Волков

ПМС: «На 37 языках в 145 странах»

*Очень личные воспоминания
об одном уникальном издании*

Москва
2014

УДК 611.64
ББК 84(2Рос=Рус)
В67

Благодарю спонсора издания Сергея Ястржембского, бывшего, как мы говорим, пээмэсовца, впоследствии снискавшего известность и в политических кругах, и в сфере искусства, основателя кинокомпании Ястремб-Фильм. Без него эта книга не вышла бы.

Александр Волков

Волков А.И.

В67 ПМС: «На 37 языках в 145 странах». Очень личные воспоминания об одном уникальном издании. – М.: Книга по Требованию, 2014. – 104 с.

ISBN 978-5-519-01709-1

Это книга об уникальном издании – международном журнале «Проблемы мира и социализма», выходявшем в Праге с 1958 года до начала 90-х. Автор, бывший сотрудник журнала, проработавший в нем без малого 11 лет, повествует о людях, главным образом, представителях коммунистических партий мира, о том, что у них было общего и какие они разные, о характерах, судьбах, отношениях в редакции, где редакционный совет составляли посланцы из 65 стран. Это раскрывается через живой рассказ об отдельных эпизодах жизни журнала. Для журналистов книга может служить учебным пособием, особенно для международников, многим интересна и для широкого круга читателей.

УДК 611.64
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-519-01709-1

© Волков А.И., 2014

На крутом холме, возвысившимся над Прагой, на огромном бронзовом коне сидит могучий бронзовый Ян Жижка, вперив неподвижный взгляд единственного глаза (другой закрыт косой повязкой) в далекую точку на противоположной стороне города. Туда, где сквозь дымку чернеют островерхие шпили Собора Святого Вита в Пражском кремле. Если, наглядевшись отсюда на панораму города, повернуться на сто восемьдесят градусов и медленно, прогулочным шагом, пойти по асфальтированной аллее назад, то минут через двадцать выйдешь на лежащую чуть ниже улицу Конеева (то бишь маршала Конеева, который когда-то освобождал этот город от фашистских войск), а, пройдя еще, примерно, столько же, подойдешь к дому с пронумерованными подъездами – 155, 157, 159. В пятьдесят пятом живут в основном латиноамериканцы, в пятьдесят девятом – чехи. Средний, 157 – наш.

Мы живем на шестом этаже, а вокруг нас очень интересные соседи. За дверью рядом недавно жили ирландцы, а потом поселились молодые французы-переводчики. Напротив нас – представитель Компартии Венесуэлы Херонимо Каррера с женой Магдой, немкой. Над нами Сарада Митра, индеец. Под нами – индонезиец Сатияджая Судиман с русской женой, рыженькой Наташей. Ниже – панамец Феликс Диксон, ну, и наши, русские сотрудники международного журнала «Проблемы мира и социализма» (ПМС), наследника, можно сказать, правнука Коминтерна, объединявшего когда-то коммунистов мира.

Из того, что уже говорилось об этом журнале, лучше, чем кто-либо и когда-либо, рассказал в своем интервью, которое мы взяли у него вместе с коллегой, журналистской Светланой Ярмолюк, Лев Степанов, руководитель группы консультантов при шеф-редакторе этого издания. Журналист-международник, он работал в издательстве «Иностранная литература», журнале «Новое время», в Посольстве СССР в Индии, в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР, был заместителем главного редактора журнала

«МЭиМО». В течение двенадцати лет (1971–1983) работал в Праге. Затем был консультантом отдела ЦК КПСС.

Мы брали интервью для книги «Пресса в обществе (1959–2000)», и я сейчас хотел бы опереться на него, поскольку в нем систематически изложены некоторые очень существенные вещи, обсужденные и согласованные нами, кстати, еще до публикации. Приведу его с сокращениями – того, что не имело прямого отношения к главной теме.

– Насколько нам известно, Лев Васильевич, работа в печати поглотила чуть ли не полвека вашей жизни. Но если не возражаете, мы хотели бы поговорить главным образом о тех двенадцати годах, которые вы провели в Праге, в редакции журнала «Проблемы мира и социализма». И давайте сразу уточним, что это было время как раз между концом Пражской весны и началом нашей перестройки, не так ли?

– В общем да. А уж если быть точным, то я попал в Прагу через три года после появления там советских танков и отбыл домой, в Москву, за полтора года до прихода Горбачева к власти. Тем самым уточняется, в каком именно издании мне довелось работать. Ведь на разных отрезках пройденного журналом без малого тридцатилетнего пути под названием «Проблемы мира и социализма» выходили, по моим представлениям, по меньшей мере, четыре разных издания – румянцевское, францевское, зародовское, послезародовское (по фамилиям шеф-редакторов) или, при почти точном совпадении по годам, хрущевское, раннебрежневское, позднебрежневское, послебрежневское.

По убеждению и по рассказам «пражан первой волны», именно при них (58–64 годы), то есть при Румянцеве, то есть при Хрущеве, журнал достиг высшей точки развития и самого пышного расцвета. Склонен считать, что так оно и было, особенно если учесть, что «первым пражанам» выпало снимать сливки с основосотрясательных решений XX съезда. И среди независимых, так сказать, отзывов о журнале наиболее для него лестные относятся, мне кажется, к «Проблемам» как раз того времени.

Под руководством Францева (64–68 годы) журнал притих и превратился в растерянного наблюдателя, а в какой-то мере и пособника обратного замораживания оттаявшей было при Хрущеве общественной мысли.

Волнения европейского студенчества и Пражская весна открыли (или пусть для начала только приоткрыли) новую страницу в современной истории, а заодно и в жизни «Проблем мира и социализма». Москва еще лелеяла свой «полный гордого доверия покой», но, хочешь – не хочешь, ее идеологам приходилось искать способы приспособления к миру, внезапно усложнившемуся и возымевшему склонность бунтовать. Для нового шеф-редактора журнала Зародова такое приспособление («без сдачи принципиальных позиций») было и серьезной личной потребностью, и важнейшей в его понимании задачей КПСС. Так что под его водительством (68–82 годы) «Проблемы» обрели второе дыхание и стали осторожно допускать на свои страницы то непривычные, то даже явно крамольные суждения.

Журнал послезародовского времени, на глазах тускнея, протянул до весны 1989 года. Он был обречен: в условиях разложения и распада коммунистического движения, при гласности и свободе печати такому изданию уже не было места. Потерпели крах и попытки превратить его из журнала международного «красного» в международный «розовый».

Не могу не поделиться таким, забавным по-своему, наблюдением. Мои знакомые «пражане» разных очередей заезда, как правило, настаивают, что именно в их время журнал был наиболее интересным и работал всего плодотворнее. Воистину непобедимо преданное отношение всякого кулика к своему болоту. Моим временем было зародовское по пражским часам и позднебрежневское – по советским.

– Для советской печати это было время унылого однообразия. Все повременные издания были как бы одним миром мазаны. Ушли в небытие четкие различия и противостояния, вроде тех, что разрывали читателей между «Октябрем» и «Новым

миром». Есть, однако, мнение, что «Проблемы» многие читали особенно внимательно и заинтересованно. Например, по словам известного правозащитника А. Гинзбурга, журнал пользовался успехом у попавших в заключение диссидентов. Каково ваше мнение: имел ли он собственное лицо, представлял ли особое, отличное от других направление?

– И да, и нет. Это, думаю, самый близкий к истине ответ. Да – уже потому, что журнал даже не числился советским. Он считался международным – совместным изданием сначала, кажется, двадцати (при основании в 1958 году), потом многих десятков «братских партий». А нет – потому, что журналом тем не менее всецело распоряжались ЦК КПСС (задававший «генеральную линию») и советские работники редакции (тащившие на себе груз литературной текучки и организационно-технической суеты). Из Москвы, конечно, шли и деньги, хотя все партии-издатели, стоявшие в своих странах у власти, тоже были обложены данью, собирать которую с каждым годом становилось все труднее. И как всегда: кто этот журнал «ужинал», тот его и «танцевал».

В первые же дни работы в редакции я услышал из уст тогдашнего ответственного секретаря Шахназарова: «Любые наши попытки улучшить журнал, поднять его качество останутся бесплодными. Журнал и должен, и будет соответствовать нынешнему состоянию коммунистического движения. А оно такое, какое есть». Меня эти слова, признаться, покоробили. Ни на какие творческие усилия они не воодушевляли. Путь к примирению с правдой, высказанной вслух Георгием Хосроевичем, занял несколько лет. По ходу дела уяснилось, что же именно за этой правдой скрывается и как она (неизбежно!) отражается на содержании, на всем облике журнала. Самым существенным было то, что на страницы «Проблем» не мог не выплескиваться все более охватывавший комдвижение идейный разброд – иначе сказать, идейное многоцветье.

Главной и всеопределяющей задачей для нас было «укрепление единства международного коммунистического движе-

ния.» На деле это означало прежде всего постоянный, из месяца в месяц, сбор подписей компартий мира под текстами, которые, каждый на свой лад, должны были звучать присягой на верность Москве. Часто это не составляло труда. На заре своей пражской жизни, в 1972 году, находясь еще во власти некоторых романтических, на школьной скамье усвоенных представлений, я был просто ошеломлен собственным производственным успехом – тем, с какой легкостью получил в Люксембурге подпись председателя тамошней компартии Доминика Урбани под «его» статьей, мною же написанной и в нашей редакции переведенной на французский. «Автор» назначил мне встречу в кабачке, где и подмахнул, не читая, это мое сочинение. То же самое, с ничтожными отклонениями от общего правила, повторялось у меня потом с главными коммунистами в Австрии, Дании, Норвегии.

Подобное, однако, не проходило с руководителями чуть более самостоятельных либо уж совсем отбившихся от рук партий. Например, нечего было и думать о подсовывании готовых бумаг испанцам, итальянцам, французам. Со временем все больше стала обнаруживаться заразительность «дурного примера»: в 1976 году я заявился в Лиссабон с тщательно отработанным «проектом статьи» Алваро Куньяла и неожиданно получил от ворот поворот. Правда, произведение, созданное им самим и присланное в редакцию пару недель спустя, духом своим и содержанием несколько не отличалось от моего «проекта».

Сама наша роль «нового Коминтерна», занятого борьбой за единство международного коммунистического движения, предполагала отсутствие такого единства или, во всяком случае, его зыбкость, непрочность. Действительно, если одни партии легко снабжали нас своими «подписями», то другие настойчиво проталкивали в журнал и упорно отстаивали собственные, дорогие им (но не Москве!) «завоевания творческого марксизма».

Единство партий, как и единство «Проблем» с советскими печатными изданиями, было незыблемым главным образом

перед лицом врага номер один – американского империализма. Ему от журнала всегда доставалось по первое число. Но далее срабатывала со средневековья известная истина: еретик опаснее безбожника и самого дьявола.

Зло страшнее страшного, с которым неустанно воевали «Проблемы», находилось не где-то в цитаделях мирового капитала, а всегда в пределах передовой части человечества – либо в странах социализма, либо в рабочем и национально-освободительном движениях, либо среди партий, признававшихся коммунистическими, то есть, в конце концов, в собственных рядах хозяев журнала. Имя зла с течением времени менялось. Сначала это была «клика Тито-Ранковича», с которой вела непримиримую борьбу предшественница «Проблем» – переместившаяся из Белграда в Бухарест газета «За прочный мир, за народную демократию». Потом, уже из Праги, прямой наводкой поочередно хлестали по маоизму, чехословацким редакторам-ревизионистам, польской «Солидарности»...

Более обходительное обращение требовалось для еврокоммунизма в разных его ипостасях и для не в меру самостоятельных идеологов, подававших голос из братских соцстран. В этих случаях негоже было громить; ошибкам и заблуждениям надлежало противопоставлять выверенные марксистско-ленинские взгляды. Соотношения выдерживались «правильные»: на одну страницу «заблуждений» страниц эдак тридцать идеологически безукоризненных текстов, разъясняющих и опровергающих.

Установочными, во всех отношениях главными были, конечно, статьи, которые печатались за подписями руководителей КПСС. Чистоту и точность поставлявшихся со Старой площади и распространявшихся «Проблемами» теоретических истин мы блюли с особым рвением. Если случалось чего-то недоглядеть, старшие товарищи нас поправляли.

Этот опыт «Проблем» и мой лично дает, между прочим, повод задуматься о цене идеологической чистоты, причем о цене в ее буквальном, самом обыденном понимании. То есть почему

(в денежном выражении) обходилось строго выверенное партийное слово? В 1977 году я как-то должен был срочно слетать в Москву и обратно, чтобы доставить в Прагу одно-единственное исправление, внесенное самим Сусловым в «его» статью, подготовленную у нас для очередного номера. В те времена аэрофлотовские тарифы устанавливались еще не на рыночной, а на «научной» основе, но все равно подобное путешествие влетало, конечно, в копеечку. Справившись сегодня о стоимости авиабилета на полет по маршруту Прага-Москва-Прага, каждый может узнать, что за вставку прилагательного «социалистического» в словосочетании «принцип социалистического распределения по труду» отвалить по 400 баксов нашей партии было ничуть не жалко. Стоит задуматься, почему она была такая щедрая.

Впрочем, и в глазах многих сотрудников журнала любые затраты сил и средств на статьи, подобные сусловской, оправдывались тем, что таким путем строилась, как сейчас сказали бы, «крыша», под которой позволительно было запускать на журнальные страницы и кое-какую ересь. Читателям предоставлялась возможность мужественно продираться сквозь частокол забубенных пропагандистских заклинаний, чтобы впитаться в несколько абзацев, по московским меркам крамольных и пропущенных нами когда вынужденно (по настоянию партии-автора), а когда и сознательно. Мы сами с наслаждением печатали, а преданные наши читатели и почитатели с удовольствием воспринимали отчеты о «круглых столах», за которыми их участники высказывали множество мыслей, советской властью не дозволенных.

Об этом вкладе «Проблем» в умственную жизнь нашего общества говорено-переговорено, написано-перенаписано. И все в одном ключе: журнал «выглядел» более прогрессивным, чем советские издания... Здесь проходили более раскованные идеи, чем дома, здесь они в известной мере «легализовались». Характерно, что «в Москве поначалу кое-кто даже пытался ограничить распространение журнала в СССР». Это – из со-

всем недавно (1998 год) вышедших воспоминаний К. Н. Брутенца, тоже бывшего «пражанина» и под конец партийной карьеры замзава международным отделом ЦК. К словам Карена Нерсесовича, как и к созвучным высказываниям иных «послепражских мемуаристов» (А. И. Волков, А. С. Черняев и другие) полностью присоединяюсь. Эта оценка, на мой взгляд, верна (хотя, может быть, и в разной степени) для «Проблем» как румянцевского, так и, безусловно, зародовского времени.

Журнал страдал врожденным пороком, который, однако, в определенном смысле оборачивался для него добродетелью. Он был обречен быть отменно скучным – уже потому, что на его страницы не допускались личные мнения и оценки, а лишь тщательно уравновешенные, по возможности для всех партий приемлемые суждения, то есть главным образом общие места. К тому же «Проблемы» под разными названиями выходили, как (с перебором!) сообщалось на обложке, на 34 языках и распространялись в 75 странах. (Данные эти претерпевали изменения, потому в заголовке названы иные цифры. – Прим. АВ). Это означало, что обычная журналистская забота о сочности слова, об изяществе изложения заведомо теряла смысл, поскольку любые достижения в этой области все равно шли насмарку при переводе. Впрочем, и выглаженные до состояния телеграфного столба тексты «русского эталона» ставили переводчиков в тупик; они, например, годами бились над неразрешимой задачей – как перевести (на какой угодно язык) словосочетание «персональный пенсионер союзного значения»?

– Достоянием чуть ли не всего нашего читательского сообщества были, как известно, навыки чтения между строк. Для «Проблем» тоже были характерны «подтексты»?

– Могу поручиться, что эзопов язык, прозрачные или хотя бы скрытые намеки, косвенные наводки для читательской мысли – все эти приемы политической тайнописи, неплохо освоенные и испытанные в некоторых советских изданиях, у нас совершенно не были в ходу.